

« В науке был и остается только один счет – гамбургский»

(Интервью В. П. Ракова¹ с В. И. Чередниченко)

Владимир Ильич Чередниченко – доктор филологических наук, профессор. Заслуженный профессор Кубанского госуниверситета. Действительный член Академии гуманитарных наук. Директор Научно-исследовательского института массовых коммуникаций КубГУ (2004 – 2006), заведующий отделом интердисциплинарных связей журналистики НИИ МК КубГУ (с 2006). Действительный член Международного научного общества по изучению времени (ISST) и других научных обществ. Вице-президент Международного научного Центра интердисциплинарных исследований (ICIS). Обладатель сертификата ISST (1994). В течение десяти лет (1999 – 2009) заведовал кафедрой теории журналистики Кубанского госуниверситета.

Научные исследования В. И. Чередниченко посвящены проблемам гуманитарного знания, изучению методологии и теории литературы и – в последнее десятилетие – журналистики. Особо интересуют ученого интердисциплинарные области познания, при этом он стремится удержать и специфические качества каждой из наук, которые привлекаются для анализа проблем. Профессор В. И. Чередниченко – инициатор и организатор получивших широкий резонанс ежегодных Международных научных Интернет-конференций «Интердисциплинарный подход в журналистиковедении и смежных областях знания».

Главный труд ученого – изданная в 1987 г. в издательстве Академии Наук Грузии монография «Типология временных отношений в лирике», которая предлагает по сути первую в науке развернутую концепцию художест-

¹ Раков Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, зам. главного редактора журнала «Интеллигенция и мир».

венного времени. Стереоскопический контекст изучения художественного творчества содействует более глубокому пониманию доминантных характеристик литературы и ее родовой сущности, о чем писали такие читатели этой книги, как М. Л. Гаспаров и Н. К. Гей. Значительный интерес для филологов представляет и концепция сюжетности лирического рода, предложенная автором в 1995 году.

Исследователь много занимается проблемами теории перевода. В этом году в рамках одной из самых авторитетных издательских серий Российской Академии Наук ученым подготовлен научно выверенный корпус русских переводов стихотворения «Ворон» Эдгара Алана По в обрамлении сопроводительных статей и обширного комментария. Этой работе предшествовал посвященный американскому писателю выпуск серии сборников, издававшихся при непосредственном участии Владимира Ильича в Кубанском госуниверситете.

В последние годы В. И. Чередниченко уделяет особое внимание разработке теоретических проблем журналистиковедения, что получило воплощение в монографии «Теория журналистики» (написанной совместно с И. В. Чередниченко) и ряде статей, в частности, в работе «Роды и жанры публицистики на современном этапе», где ученым предложена своя типология жанров журналистских произведений. Совсем недавно под редакцией В. И. Чередниченко был издан сборник статей по актуальным проблемам журналистиковедения и смежных областей знания – «Альянс», в котором приняли участие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Любека, Краснодара, Воронежа, Иваново. Кстати, в книге мы видим большую статью редактора, посвященную малоизученному жанру – некрологу. С помощью текстов советского времени автор разгадывает коды эпохи: увлекательное семиотическое путешествие.

Ученый любезно согласился принять участие, в беседе с профессором В. П. Раковым.

В. П. Раков. Я рад нашей встрече, дорогой коллега. Хотя мы ныне и разлучены географическими просторами нашей Родины, все же живем с ощущением атмосферы и традиций академической науки, о чем поговорим в дальнейшем. А сейчас мне бы хотелось, чтобы Вы рассказали об истоках Вашей личности и начале научной карьеры. Где Ваша «малая Родина» – духовный приют и душевная отрада? Где учились и проходили аспирантуру? Под чьим крылом готовили и защищали докторскую диссертацию? Что для Вас значит такое понятие, как научная школа?

В. И. Чередниченко. Да, Валерий Петрович, на просторах нашей Родины мерцают отдельные огоньки академической мысли, но они не согревают тех, кто рядом, разве только самых верных – век сейчас иной. Последние Ученые-титаны покидают наш мир (невосполнимая утрата для русской культуры – сравнительно недавний уход М. Л. Гаспарова и В. Н. Топорова), оставляя горы трудов для оскудевшей расы интеллектуалов. Новая прагматически ориентированная вузовская масса органически не приемлет высокую науку, перед ней стоят задачи, далекие от научного поиска. К управлению вузами, факультетами и кафедрами стали активно привлекаться менеджеры-антиинтеллектуалы, менеджеры-неинтеллигенты, которые оценивают те или иные идеи с точки зрения сиюминутных и немедленных экономических выгод. Формируется тип не стратегов, а тактиков. На первых порах вузы будут даже процветать, что создаст стойкую иллюзию правильности взятого курса. Собственно говоря, процесс уже набирает силу.

Духовный приют и душевная отрада моя – фантастический Тбилиси с его атмосферой непрерывного творческого поиска, богатейшими библиотеками и книгохранилищами. Двенадцать лет работы в Институте литературы имени Шота Руставели Академии Наук Грузии – лучшие годы моей профессиональной жизни, непрекращающееся интеллектуальное пиршество, на котором тамадой неизменно избиралась сама Наука. Здесь закладывались основы моего научного мировидения, вынашивалась концепция художественного времени. Собственно говоря, защита докторской в 1987 году на тему «Типо-

логия временных отношений в лирике» - итог этой многолетней работы. Мне как студенту в свое время невероятно повезло: моими учителями в Тбилисском государственном университете были люди не просто высокоодаренные, но и расположенные к внеаудиторному общению (что сейчас, заметьте, не приветствуется), излучающие человеческое тепло. О некоторых не могу не упомянуть: Соломон Хуцишвили, Алик Алексидзе, Вано Шадури, Вахтанг Натадзе, Георгий Гиголов, Котик Герасимов, Лиина Хихадзе, Георгий Джигладзе, Тенгиз Буачидзе. Всего два штриха: Алик Алексидзе, например, владел мертвым древнегреческим как живым, вел переписку на этом языке с одним французом, читал нам «Илиаду» на языке оригинала. Котик Герасимов приносил на лекции по истории книги не просто раритеты, а инкунабулы (фантастика!). На проспекте Руставели во время променада можно было встретить Мераба Мамардашвили, Гиви Маргвелашвили (живет и работает ныне в Германии) и других ярчайших личностей, которые были всегда готовы включиться в разговор о самом насущном.

В. Р. – А что было потом?

В. Ч. А потом был переезд на Кубань (родина моих предков) и работа в краснодарских вузах. В символическом плане – падение в бездну. Стремление приспособиться к миру, построенному на принципиально иных началах. Провинциальные нравы, зависть, злоба, одним словом, мелкотравчатость, все то, с чем ежедневно сталкивается практически каждый российский «интеллигент». Поражала абсолютная вера всех в то, что по-другому и не бывает, что так устроен мир. Безупречно серая личность была той идеальной моделью, к которой стремились. На факультет журналистики Кубанского государственного университета сложилось какое-то странное представление о науке – на полном серьезе считали, что для того, чтобы стать ученым, достаточно взять тему, проработать источники и защититься. Очень многие считают так и поныне. Декан брал преподавателя, что называется, за горло и не отпускал до тех пор, пока жертва не выходила на защиту. Так формировались «местные кадры», к которым впоследствии перешло управление факультетом, ученым

и диссертационным советами. Люди, не имевшие представления о целях и задачах научного знания, о методах «своей» науки, естественно, давали путевку в жизнь себе подобным – своим ученикам, соискателям и аспирантам. Разве описанная ситуация не типична для многих вузов России, Валерий Петрович? О каком качестве гуманитарного образования можно после этого говорить?

Научные идеи можно оспаривать, их можно обсуждать. Но невежество и некомпетентность «специалистов», получивших формальный доступ к «говорению», не могут быть предметом серьезного научного разговора. Особо ярко эти качества проявляются в формате государственных экзаменов и на защите дипломных проектов. Думаю, одной из превентивных мер могла бы стать процедура сдачи соискателями ученой степени тестов на IQ и степень владения родным языком. Если бы было осуществлено подобное мероприятие, уверен: результаты поразили бы общественность, и мы бы все призадумались: чему могут научить эти люди подрастающее поколение?

В. Р. Неужели не было луча света в этом темном царстве?

В. Ч. Конечно, был. В русской провинции всегда были от природы одаренные личности, которые задыхались в «родной» среде. За примерами далеко ходить не надо – все знают, каково было, например, Бахтину в Саранске...

В. Р. Обычно в такого рода беседах, как наша, я обсуждаю с коллегами нынешнее состояние филологической науки, ее методологические стратегии и перспективы. Вы – энтузиаст междисциплинарных исследований, расширяющих у каждого специалиста горизонт восприятия его собственной области знания. Не могли бы Вы поделиться Вашими соображениями по поводу положения дел в этой сфере? Хотелось бы знать шкалу Ваших методологических предпочтений.

В. Ч. Интердисциплинарный подход понимается одной группой исследователей как изучение одного и того же объекта разными дисциплинами. Другая группа ратует за применение единого синтетического метода, аккумулирующего возможности различных частных методов. Второй подход мне

ближе. Игорь Чередниченко сформулировал задачи метода на современном этапе, написав Программу для Международного научного Центра междисциплинарных исследований, вице-президентом которого я являюсь, и вместе с ним мы попытались его применить в монографии «Теория журналистики».

В. Р. Нынешний научный контекст – явление стереоскопичное, нередко противоречивое. Мы наблюдаем обостренный интерес исследователей к проблемам, до недавнего времени находившимся в латентном, скрытом состоянии, возможно, по причине нечувствия специалистами их актуальности. С другой стороны, несомненно влияние фактора торможения: запретительная система, существовавшая более семидесяти лет, нанесла колоссальный ущерб самому качеству научной мысли и даже внушило некоторым коллегам такую осмотрительность здравомыслящих людей, трепещущих даже перед своей смелой идеей. Печальные следствия. Я рад, что мы с Вами не поддались, по выражению А. Ф. Лосева, слепой власти меона. Устоять было нелегко, но мы это сделали. Когда я читаю Ваши труды, то вижу и чувствую упругий и энергичный импульс мысли, стремящейся к «новым берегам». Такое состояние духа автора не может не вдохновлять читателя. Но что Вы можете сказать о мере фундаментальности той продукции, с которой мыслящий филолог ныне имеет дело? Уже сейчас наше сообщество имеет определенные исследовательские достижения, однако некоторые коллеги сетуют на снижение уровня работ, если брать науку в ее вузовском и массовидном проявлении. Так ли это на самом деле?

В. Ч. Вузовская наука всегда отставала от академической. Не отставали лишь отдельные ее представители. Сейчас разрыв, как мне кажется, стал еще более ощутимым. Отчасти это связано с неостребованностью глубокого знания «снизу»; пытливые студенты сегодня – большая редкость. В 1880-м году студент Воронежского университета Владимир Плотников предъявил за первый семестр курсовую работу – новаторский труд, удивляющий нас даже сегодня (он был опубликован в воронежских «Филологических записках»). За все годы работы в вузе мне не попадалось ни одной студенческой диплом-

ной или курсовой работы, сопоставимой с плотниковской по уровню. Среди филологических исследований преподавателей вузов изредка попадаются интересные идеи, тогда как журналистиковеды заняты в основном (встречаются, конечно, исключения) отыскиванием «блошиных истин» (термин Яна Лукаевича). Критерии научности здесь занижены как ни в одной другой области знаний. Высшей аттестационной комиссии не помешало бы более принципиально оценивать «новизну» работ в этой области.

В. Р. Владимир Ильич, наш журнал адресован широким слоям читающей публики. Проблематика Ваших трудов такова, что вызывает любопытство людей, для которых филология не является профессией. Я думаю, что разгадка этого феномена не только в ясном и доходчивом стиле создаваемых Вами текстов. Суть дела, вероятно, в остроте и важности изучаемых вопросов, один из которых касается взаимодействия культур. Вы – глубокий и тонкий знаток англоязычной, грузинской и русской литературы. Центральной темой Ваших размышлений является проблема пространства и времени в ее экзистенциальном, философском и, прежде всего, эстетическом, а также семиотическом аспектах. В свете Вашего опыта изучения этой широкой тематики, что можно сказать о процессе взаимопроникновения форм сознания, моделей поведения, идей и образов культуры разных народов? Активно развивающийся процесс глобализации усложняет и драматизирует картину. Что тут существенно и тревожно?

В. Ч. Вопрос интереснее ответа. Да, глобализация нивелирует национальные и индивидуальные различия, которыми так дорожат «интеллигенты» (но не «интеллектуалы»). Процесс гомогенизации культурного пространства не может не настораживать, хотя особенно драматизировать ситуацию не стоит. Когда насыщение «чужим» подойдет к критической черте, может произойти культурный взрыв и процесс пойдет в обратную сторону. Возврат к своему через пресыщение «чужим» может оказаться гораздо плодотворнее тех результатов, к которым приводит реализация моделей автономного развития национальной культуры. Сегодня убереечь национальную культуру от

вторжения инородных «вирусов» едва ли возможно – следует, наоборот, создать «встречное течение» (по А. Н. Веселовскому), чтобы «вирус» ассимилировался и стал «родным». Переболев «чужим», свое обретет еще большую крепость и своеобразие.

В. Р. У меня в руках только что вышедший в свет том научных трудов: «Альянс: Актуальные проблемы журналистиковедения и смежных областей знания. Краснодар (Кубанский гос. университет), 2009». Издание подготовлено под Вашей редакцией. Здесь опубликованы работы исследователей, принадлежащих к школам, давно зарекомендовавшим себя в системе филологических традиций, а также теоретические и методические изыскания мэтров в области теории и методологии журналистики. Представлена когорта и молодых исследователей. Книга отличается своеобразным единством похвального постоянства традиции и свободой интеллектуальной игры, столь свойственной молодости. Счастливый синтез! Это уже стало типическим признаком филологических трудов, созданных в творческом климате Вами возглавляемой кафедры. Не идет ли тут речь о научной школе?

В. Ч. Благодарю за оценку сборника «Альянс», который вышел не благодаря, а вопреки линии, проводимой руководством факультета, не выделяющим средств на развитие серьезных научных исследований. Так, издательский проект факультета, получивший международную известность, – «Эдгар Аллан По. Эссе. Материалы. Исследования» – заглох из-за нежелания финансировать этот чрезвычайно перспективный сектор. Средства на издания «Альянса» были собраны сотрудниками руководимой мною кафедры. Серьезную науку делают сейчас ученые-одиночки. Поэтому ставить вопрос о научной школе я бы не стал.

В. Р. В вышеупомянутом издании помещены статьи, посвященные обсуждению проблем высшего образования. Каково Ваше отношение к проводимым реформам или, точнее, к тому, что понимает под этим словом Министерство науки и образования РФ?

В. Ч. Переход к болонской образовательной модели должен предполагать и переход к европейскому уровню оплаты труда российского преподавателя и к приведению так называемой «нормативной» нагрузки, которая сегодня ложится на плечи нашего преподавателя, в соответствии с евростандартами. Иначе реальные результаты могут не совпасть с ожидаемыми.

В. Р. Наш журнал пишет не только об интеллигенции, но и о мире, в котором она живет, ему противостоит и его строит. Хотелось бы услышать Ваши суждения по этой неохватной теме. Насколько содержателен и плодотворен сам термин «интеллигенция»? «Интеллигент» и «интеллектуал» – следует ли дифференцировать эти понятия? Разделяете ли Вы убеждение в том, что интеллигенция имеет, скажем так, метафизическую призванность и высокую миссию? Что выступает как главное в творческом портрете современного интеллигента?

В. Ч. Я не разделяю убеждение об особой миссии «интеллигенции». Сейчас это понятие наполнилось условным и аморфным содержанием. Куда более драматична судьба «интеллектуала» в современном мире – на Западе и в России. Интеллигент – далеко не всегда интеллектуал, но антиинтеллектуал – это всегда неинтеллигент. Раньше интеллигентами рождались, сейчас ими становятся в силу самых разных обстоятельств. Однако сама по себе принадлежность человека к «интеллигентам» или «интеллектуалам» по существу ничего не решает. Судьбу человека во многом определяет духовное самоопределение, независимо от того, есть ли у него рефлексия по этому поводу или нет.

В. Р. В одной из Ваших работ сформулирована максима: «В науке был и остается только один счет – гамбургский». Серьезный и правдивый афоризм! Не могли бы Вы его прокомментировать?

В. Ч. Ученого делает ученым не диплом о присуждении ученой степени, не долгая и плодотворная околонаучная деятельность, не оценка его деятельности другими. Ученого делает ученым природная способность создавать нетривиальные идеи и умение их обосновывать. Подделать эту способ-

ность практически невозможно, поэтому ученый ученого узнает, воспользуясь образным выражением, по запаху. Когда на одной из защит маститый физик сказал о молодом соискателе: «Это парень из нашего двора», споры стихли, и все стало на свои места.

В. Р. Спасибо за беседу, Владимир Ильич! Вы поддержали платоновскую традицию диалога, которая так любезна уму и сердцу каждого интеллигента. Желаю Вам дальнейших творческих успехов и надеюсь, что наша с Вами встреча найдет свое продолжение в будущем.

В. Ч. Спасибо, Валерий Петрович, за обмен мыслями. Думаю, что он будет продолжен в полилоге читателей уже без нашего с Вами участия.
